

УДК 159.922.8

DOI: 10.35750/2713-0622-2025-2-282-301

Смысловая саморегуляция как стратегия совладания подростков с неблагоприятным детским опытом в анамнезе

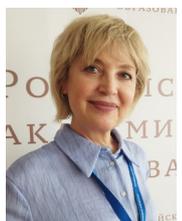

Светлана Алигарьевна Минюрова

Центр междисциплинарных исследований в области наук об образовании
Российской академии образования
(Москва, Россия)

miniurova.sa@raop.ru

ORCID: 0000-0003-3852-0434

Наталья Олеговна Леоненко

Центр междисциплинарных исследований в области наук об образовании
Российской академии образования
(Москва, Россия)

leonenko.no@raop.ru

ORCID: 0000-0002-0517-9711

Аннотация

Введение. В подростковом возрасте способность справляться с социальными и психологическими вызовами обретает особую значимость, что актуализирует запрос на изучение адаптационного потенциала подростков. Рассмотрение смысловой саморегуляции как ресурса психологической адаптивности подростков с учетом их детского опыта и возрастных новообразований позволяет прогнозировать и предупреждать проявления дезадаптации и становится основой для развития проактивных стратегий совладания, определяющих жизнестойкость подростков в период взросления. **Методы исследования.** Использовались структурированное интервью, тест социально-психологической адаптации (К. Роджерс, Р. Даймонд, адапт. А. Прихожан), клинический опросник для выявления и оценки невротических состояний (К. К. Яхин, Д. М. Менделевич), методика «Способы совладающего поведения (WCQ)» (Р. Лазарус, С. Фолкман, адапт. НИПНИ им. Бехтерева), тест смысложизненных ориентаций (Дж. Крамбо и Л. Махоника, адапт. Д. А. Леонтьева), тест жизнестойкости (С. Мадди, адапт. Д. А. Леонтьева, Е. И. Расказовой). Использовались методы математико-статистического анализа: критерий Колмогорова-Смирнова, U-критерий Манна–Уитни. **Результаты исследования.** Установлено, что 75 % респондентов имеют как минимум один вид неблагоприятного детского опыта. У подростков с неблагоприятным детским опытом были зафиксированы низкие значения адаптивности, осмысленности жизни, но выше показатели невротических симптомов (астения, вегетативные нарушения, невротические тревога и депрессия) и неадаптивных копинг-стратегий (дистанцирование, конфронтация, бегство–избегание) в сравнении с нормативными значениями и аналогичными показателями в группе сравнения. У подростков с неблагоприятным детским опытом в анамнезе и имеющих высокий уровень осмысленности жизни выше степень психологической адаптивности и менее выражены показатели дезадаптации в сравнении с подростками, имеющими аналогичный опыт и низкий уровень осмысленности жизни.

Ключевые слова

подростковый возраст, неблагоприятный детский опыт, копинг-стратегии, жизнестойкость, смысловая саморегуляция

Для цитирования: Минюрова, С. А., Леоненко, Н. О. (2025). Смысловая саморегуляция как стратегия совладания подростков с неблагоприятным детским опытом в анамнезе. *Российский девиантологический журнал*, 5 (2), 282–301. doi: 10.35750/2713-0622-2025-2-282-301.

Original paper

Semantic self-regulation as a coping strategy for adolescents with adverse childhood experiences in their anamnesis

Svetlana A. Minyurova

Centre for Interdisciplinary Researches in Education of the Russian Academy of Education (Moscow, Russia)

miniurova.sa@raop.ru

ORCID: 0000-0003-3852-0434

Natalia O. Leonenko

Centre for Interdisciplinary Researches in Education of the Russian Academy of Education (Moscow, Russia)

leonenko.no@raop.ru

ORCID: 0000-0002-0517-9711

Abstract

Introduction. In adolescence, the ability to cope with social and psychological challenges becomes especially important, which actualises the request to study the adaptation potential of adolescents. The study of semantic self-regulation as a resource of psychological adaptability of adolescents, taking into account their childhood experience and age-related neoplasms, makes it possible to predict and prevent manifestations of maladaptation and becomes the basis for the development of proactive coping strategies that determine the resilience of adolescents during adulthood. **Research methods.** The authors used a structured interview, social and psychological adaptation test (K. Rogers, R. Diamond, adapted by A. Prikhozhan), clinical questionnaire for detection and assessment of neurotic states (K.K. Yakhin, D.M. Mendeleovich), “Ways of coping behavior (WCQ)” technique (R. Lazarus, S. Folkman, adapted by Bekhterev Scientific Research Institute), life-meaning orientation test (J. Crambaugh and L. Makholika, adapted by D.A. Leontiev), hardiness test (S. Maddy, adapted by D.A. Leontiev, E.I. Rasskazova). Methods of mathematical and statistical analysis, Kolmogorov-Smirnov criterion, Mann-Whitney U-criterion were used. **Research results.** It was found that 75% of respondents had at least one type of unfavourable childhood experience. Adolescents with unfavourable childhood experiences had significantly lower levels of adaptability and life meaningfulness, but higher levels of neurotic symptoms (asthenia, vegetative disorders, neurotic anxiety and depression) and maladaptive coping strategies (distancing, confrontation, escape-avoidance) compared to normative values and similar indicators in the comparison group. Adolescents with unfavourable childhood experience in anamnesis and having a high level of life meaningfulness have a higher degree of psychological adaptability and less pronounced indicators of maladaptation in comparison with adolescents with similar experience and a low level of life meaningfulness.

Keywords

motivation, achievement motivation, failure avoidance motivation, alcohol-dependent inmates, rehabilitation

For citation: Minyurova, S. A., Leonenko, N. O. (2025). Semantic self-regulation as a coping strategy for adolescents with adverse childhood experiences in their anamnesis. *Russian Journal of Deviant Behavior*, 5 (2), 282–301. doi: 10.35750/2713-0622-2025-2-282-301.

Введение

Подростковый период является переходным и наиболее кризисным этапом развития личности, что связано с системными изменениями на телесном, психологическом и социальном уровнях. Изменение социальной ситуации развития ставит перед подростком задачу поиска новой взрослой идентичности и выбора личных стратегий саморегуляции, самореализации и совладания. Система ценностей и отношений, внешние ресурсы психологической поддержки, сложившиеся в детском опыте, теряют свою актуальность и адаптационный потенциал, что определяет высокий риск дезадаптации подростков. Этот риск возрастает в условиях современного мира, характеризующегося нарастающей сложностью и тотальной неопределенностью (А. Г. Асмолов), «глобальностью рисков» (Т. А. Нестик), «рутинизацией психической травмы» (М. М. Решетников), утратой привычных ориентиров и опыта совладания.

В подростковом возрасте способность справляться со стрессовыми факторами обретает особую значимость, что связано со сложностью кризиса, его системным характером (охватывает все уровни: физиологический, когнитивный, эмоциональный, духовный), задачами личностного и профессионального самоопределения. Неспособность справляться с социальными и психологическими вызовами в этот период определяет высокий риск дезадаптации подростков и отдаленные неблагоприятные последствия для жизненной перспективы самоопределения, психического и физического здоровья.

Психическая уязвимость и риск дезадаптации современных подростков подтверждаются данными Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ), согласно которым каждый седьмой подросток в мире имеет психическое расстройство; ежедневно в мире фиксируется 4500 случаев смерти подростков и молодых людей¹. Среди ведущих причин смерти отмечаются травмы, осложнения, связанные с материнством, межличностное насилие, самоповреждения и иные формы отклоняющегося поведения. При этом, согласно статистике МВД России, почти 90 % несовершеннолетних правонарушителей – это дети и подростки из семей, где родители жестоко обращались с ними, употребляли алкоголь и наркотики, вели аморальный и антисоциальный образ жизни². Установлено, что неблагоприятный детский опыт оказывает устойчивое пролонгированное влияние на психическое здоровье и адаптивные возможности личности³. В рейтинге психотравмирующих событий плохое обращение в детстве занимает третье место (Тарабрина, 2009, с. 57). Метаанализ на основе 11 621 англоязычной публикации позволяет констатировать влияние неблагоприятного детского опыта на развитие депрессии во взрослом возрасте, суицидальных тенденций, психических расстройств, поведенческих проблем (Hughes et al., 2017).

¹ Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ). (2024, ноябрь 5). Жестокое обращение с детьми: информационный бюллетень. URL: <https://www.who.int/ru/news-room/fact-sheets/detail/child-maltreatment>

² Федеральная служба государственной статистики. Официальный сайт. URL: <https://rosstat.gov.ru/>

³ Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ). (2024, ноябрь 5). Жестокое обращение с детьми: информационный бюллетень. URL: <https://www.who.int/ru/news-room/fact-sheets/detail/child-maltreatment>

Весь спектр тяжелых и болезненных переживаний, пережитых ребенком до 18 лет, специалисты объединяют в понятие неблагоприятного детского опыта (НДО). Выделяют три основные группы такого опыта: злоупотребление (эмоциональное, физическое и сексуальное насилие), пренебрежение и внутрисемейную дисфункцию (Катан, 2019, с. 6). Только по официальным сведениям, распространенность тех или иных форм насилия составляет более 1 млрд детей в возрасте от 2 до 17 лет⁴. Этот факт указывает на высокую распространенность отдаленных негативных последствий детского опыта на психическое здоровье и психологическое благополучие личности.

Механизмы трансформации детского опыта в невротические нарушения описаны в теориях детского возраста через фиксацию на травматичных переживаниях (З. Фрейд, Дж. Боулби, А. Маслоу, Б. Зейгарник и др.), интериоризацию негативного отношения в представлениях о себе (К. Хорни, Х. Кохут, К. Роджерс, Л. С. Выготский), научение неадаптивным формам мышления и поведения через подкрепление (А. Бандура, Б. Скиннер, Дж. Миллер, Н. Доллард и др.). События детства фиксируются в автобиографической памяти и становятся «мнемическим субстратом автобиографического самосознания» – в дальнейшем человек мыслит себя таким, каким помнит, через эти воспоминания преломляется восприятие мира и своих возможностей взаимодействия с ним (Нуркова, 2018). Непереработанные переживания психического стресса трансформируются в соматические и вегетативные симптомы (З. Фрейд, Ф. Александер, А. Митчерлих, М. Шур, Г. Селье и др.), отсутствие любви и надежной привязанности в детстве проявляются в дезадаптивных формах поведения в подростковом возрасте (А. Фрейд, Дж. Боулби и др.). Современные исследования и данные систематических обзоров подтверждают, что неблагоприятный детский опыт преломляет восприятие последующих жизненных событий и собственных возможностей совладания с ними⁵.

Принимая во внимание распространенность неблагоприятного детского опыта, его негативные отдаленные последствия для личности и особенную критичность для детей с таким опытом в подростковом возрасте, становится важным исследование адаптационных возможностей подростков с учетом их детского опыта и возрастных новообразований. Специфика подросткового возраста, с одной стороны, заключается в психической уязвимости и высоком риске дезадаптации; с другой стороны, этот период характеризуется развитием мотивационной, когнитивной, ценностно-смысловой сфер личности. Возрастные новообразования создают благоприятные условия для осознанного выбора и освоения подростками адаптивных стратегий поведения, мышления, совладания.

Обзор исследований в области подростковой психологической проблематики показал высокую степень исследованности возрастной специфики совладания (К. Ю. Ануфриюк, Е. Н. Львова и др.), роли детского опыта в развитии личности (D. N. Klein, B. A. Arnou, R. C. Kessler, K. A. McLaughlin, V. Nanni, R. Uher, A. Danese, M. Li, C. D'Arcy, X. Meng, A. B. Miller, J. L. Jenness, K. Hughes, M. A. Bellis, K.A. Hardcastle и др.), развития смысловой сферы и саморегуляции подростков (Л. С. Выготский, А. Н. Леонтьев, А. В. Петровский, В. А. Петровский, Б. С. Братусь, Д. А. Леонтьев, В. В. Столин, Д. И. Фельдштейн и др.). В значительно меньшей степени внимание исследователей было направлено на изучение ресурсной роли возрастных новообразований в совладании подростков в контексте адаптивности и с учетом их детского опыта.

Под психологической адаптивностью мы понимаем состояние, при котором личность без длительных внешних и внутренних конфликтов продуктивно выполняет свою ведущую

⁴ Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ). (2024, ноябрь 5). Жестокое обращение с детьми: информационный бюллетень. URL: <https://www.who.int/ru/news-room/fact-sheets/detail/child-maltreatment>

⁵ Там же.

деятельность, удовлетворяет свои основные социогенные потребности и переживает состояние самоутверждения⁶.

Результаты исследований показывают, что активные, ориентированные на решение стратегии совладания ассоциированы с высокой осмысленностью жизни, и, напротив, пассивные, избегающие и эмоционально-ориентированные стратегии соотносятся с дефицитом смысловой саморегуляции (Габдулина, Кузьмищенко, 2008; Синельникова, Удовиченко, 2023). Показано, что степень сформированности смысловой сферы определяет возможность освоения осознанных функциональных стратегий совладания со стрессом (Львова, 2017).

Под совладанием, или копингом (*cope* – от англ. «справляться», «бороться», «совладать»), понимается сознательное поведение, направленное на преодоление стрессовой ситуации через ее активное изменение (поддающейся контролю) или приспособление к ней (если ситуация контролю не поддается) (Крюкова, 2004). Стратегии совладания формируются в онтогенезе, зависят от индивидуальных особенностей и опыта субъекта. Функциональные копинг-стратегии являются стабилизирующим фактором, позволяющим личности поддерживать психосоциальную адаптацию в периоды стресса и кризиса. Дисфункциональные (малоадаптивные) стратегии могут временно смягчить состояние в момент стресса, но не решают основной проблемы и могут привести к долгосрочным негативным последствиям.

В подростковом возрасте возможность освоения функциональных стратегий появляется благодаря развитию смысловой сферы. Осмысленность жизни как новообразование старшего подросткового возраста одновременно выступает и системообразующей конструкцией для осознанного освоения копинг-стратегий на других уровнях (эмоциональном, когнитивном, поведенческом), и самостоятельным копингом на уровне смысловой саморегуляции, основными параметрами которой являются степень ориентации на целесмысловые регуляторы в противовес причинным, общий уровень осмысленности жизни, степень осознанности смысловых ориентиров и их временная локализация (Леонтьев, 2007). В этот период в условиях активного взаимодействия с родителями и сверстниками происходит активное развитие стиля совпадающего поведения (Хазова, 2002).

Актуализация смысловой саморегуляции становится основой для развития и выбора проактивных стратегий совладания, составляющих жизнестойкость подростков. Жизнестойкость понимается как интегративная способность личности к зрелым и сложным формам совладания, в основе которой находятся экзистенциальные установки (контроль, принятие риска, вовлеченность), определяющие восприятие стрессогенных событий как менее значимых (Мадди, 2002; Леонтьев, 2016). Согласно типологии личностных ресурсов Д. А. Леонтьева, жизнестойкость относится к ресурсам и устойчивости (снижает «общую меру уязвимости субъекта для стрессовых ситуаций»), а также к саморегуляции (через осознанный выбор «конкретных решений, принимаемых субъектом в процессе взаимодействия с обстоятельствами его жизни») (Леонтьев, 2016, стр. 23).

В общем смысле жизнестойкость представляет собой практическую реализацию способности личности опираться на собственные ресурсы, совладать со стрессогенными влияниями стойко, проактивно, творчески преобразовывать в процессе преодоления себя и внешние обстоятельства (Леоненко, Лобанова, 2021). Смысловая природа выводит жизнестойкость с реактивного уровня на проактивный, управляемый не прошлым опытом и обстоятельствами, а смыслами, ценностями и целями личности. На соматическом уровне жизнестойкость проявляется в минимизации разрушительного влияния стрессоров на организм человека за счет сохранения привычного для него уровня активации,

⁶ Толстых, Н. Н., Прихожан, А. М. (2018). *Психология подросткового возраста: учебник и практикум для вузов*. Издательство «ЮРАЙТ».

обеспечивающего оптимальный уровень течения нейропсихологических и неврологических процессов (Мадди, 2002).

И осмысленность, и жизнестойкость представляют не ситуативные навыки стресс-менеджмента, а глубинные навыки самонастройки и саморегуляции, развития любых других навыков, что в парадигме компетентностного подхода соотносится с *meta skills*.

Если структурировать адаптивность иерархически в русле биопсихосоционоэтического подхода, то можно отметить, как способность к смысловой саморегуляции и жизнестойкость соотносятся с высшим, ноэтическим уровнем (В. Франкл, А. Маслоу, А. Адлер, Б. Д. Карварский, Г. В. Залевский, А. Б. Орлов, В. Б. Шумский и др.). Ноэтический уровень выделен Виктором Франклом в противоположность психическому, детерминированному динамикой между биологическим (принцип удовольствия), социальным (принцип долженствования) и психологическим (принцип реальности). Результатом смысловой саморегуляции является внутреннее порождение смысла и его осуществление, несмотря на напряжение потребностей и ограничения, детерминированные нижележащими уровнями. В концепции Виктора Франкла возможность субъекта преодолевать самого себя благодаря смыслу является ключевой и зафиксирована в понятии ноодинамики (Франкл, 1990).

Теоретически роль смысловой саморегуляции в адаптивном совладании согласуется с концепцией посттравматического роста, понимаемого как процесс и результат позитивных психологических изменений в мышлении и отношениях с миром и самим собой, происходящих в результате борьбы со сложными, стрессовыми жизненными обстоятельствами, требующими предельного напряжения адаптивных ресурсов личности и создающими значительные проблемы для понимания человеком мира и своего места в нем (Леонтьев, 2014). Утверждается, что нахождение смысла в происшедшем является предиктором посттравматического роста, тогда как неспособность осмыслить ведет к посттравматическому стрессовому расстройству (К. Ясперс, В. Франкл, Д. А. Леонтьев, Н. В. Гришина и др.). Таким образом, ноодинамика в подростковом возрасте становится условием не только снижения риска посттравматического стрессового расстройства с последующей дезадаптацией, но и возникновения таких личностных новообразований, которых не было и не могло быть без переживания неблагоприятного детского опыта. Д. Леонтьев, анализируя развитие личности в затрудненных условиях, рассматривает повышенные требования к ресурсам как возможный механизм. То, что в нормальных условиях дается человеку легко, в неоптимальных условиях требует большей рефлексии, мотивации, осмысленного приложения интенсивных усилий для ответа на вызовы социальной и индивидуальной ситуации развития (Леонтьев, 2014, с. 99). Соответственно, если эти повышенные требования принимаются как вызов, то неблагоприятный опыт становится не ограничением возможностей развития, а основой его трансформации в личное преимущество (Леонтьев, 2014).

Содержание адаптации в рамках биопсихосоционоэтического подхода может быть операционализировано через эмпирические характеристики невротической и вегетативной симптоматики (биологический и психологический уровень), копинг-стратегии (социально-психологический уровень), смысложизненные ориентации и жизнестойкие установки (ноэтический уровень).

Целью настоящего исследования является изучение смысловой саморегуляции как ресурса психологической адаптивности подростков с учетом их детского опыта. Исследование соотношения детского опыта, стратегий совладания с ним и психологической адаптивности подростков позволит прогнозировать и предупреждать проявления дезадаптации в группе риска (при наличии неблагоприятного детского опыта) с опорой на возрастные новообразования за счет развития осмысленности, обучения психологически зрелым адаптивным стратегиям совладания в условиях влияния стресса в период взросления.

На основе выводов теоретического анализа нами сформулированы две гипотезы:

1. Подростки с неблагоприятным детским опытом в анамнезе характеризуются меньшей степенью психологической адаптивности и более высоким уровнем дезадаптации по сравнению с подростками, имеющими нормальный опыт.

2. У подростков с неблагоприятным детским опытом в анамнезе, имеющих высокий уровень осмысленности жизни, выше степень психологической адаптивности и менее выражены показатели дезадаптации в сравнении с подростками, имеющими аналогичный опыт и низкий уровень осмысленности жизни.

В целях проверки сформулированных гипотез было организовано эмпирическое исследование. Критерии включения в исследование: возраст 17–19 лет; добровольное согласие на участие в исследовании. Выборку составили подростки (mean age = 17.5). Общая численность выборки – 88 человек (m = 61, f = 27). Все подростки – обучающиеся старших классов и колледжей Санкт-Петербурга и Ленинградской области, Челябинска и Челябинской области. Эмпирическое исследование включало проведение опросов, в процессе которых участники индивидуально отвечали на вопросы интервью и специально подобранных методик с использованием платформы Yandex forms.

Методы и методики исследования

Структурированное интервью (социально-демографические сведения, ретроспективная самооценка детского опыта, пережитого респондентом до 18 лет). Вопросы интервью на оценку детского опыта сформулированы на основе опросника неблагоприятных событий детства (Adversive Childhood Exposure, ACE), объединившего три группы факторов: 1) насилие (физическое, психологическое и сексуальное); 2) пренебрежение (психологическое и физическое); 3) серьезные нарушения внутрисемейных отношений (партнерское насилие над матерью или сиблингами, психические расстройства членов семьи, употребление ими психоактивных веществ, развод или разлука с родителями, тюремное заключение родителей) (Катан, 2019). По аналогии с опросником обработка данных проводилась с помощью подсчета баллов. Если у испытуемого был набран один балл и больше, это указывает на наличие неблагоприятных переживаний детства.

Методики исследования содержания адаптации в соответствии с биопсихосоционезической моделью:

– индикатор адаптивности подростков: тест социально-психологической адаптации К. Роджерса, Р. Даймонда (модификация А. Прихожан); использовался интегральный показатель адаптированности (Осницкий, 2014);

– биопсихический уровень: клинический опросник для выявления и оценки невротических состояний (К. К. Яхин, Д. М. Менделевич). Опросник применялся для скрининговой оценки наличия / отсутствия основных синдромов невротических состояний. Шкалы опросника: тревожность, невротическая депрессия, астения, истерический тип реагирования, обсессивно-фобические нарушения, вегетативные нарушения (Менделевич, 2005);

– психосоциальный уровень: методика «Способы совладающего поведения (WCQ)» (Р. Лазарус, С. Фолкман, адаптация и стандартизация НИПНИ им. Бехтерева); опросник использовался для оценки используемых респондентами копинг-стратегий в ситуациях стресса⁷;

– ноэтический (смысловой) уровень:

1. Тест смысложизненных ориентаций (Дж. Крамбо и Л. Махолика в адаптации Д. А. Леонтьева), направленный на исследование общей осмысленности жизни, локуса контроля и временной перспективы подростков (Леонтьев, 1992).

⁷ Вассерман, Л. И., Иовлев, Б. В., Исаева, Е. Р., Трифонова, Е.А. и др. (2009). *Методика для психологической диагностики способов совладания: учебное пособие для врачей и медицинских психологов*. НИПНИ им. Бехтерева.

2. Тест жизнестойкости (С. Мадди, адаптированный Д. А. Леонтьевым и Е. И. Рассказовой), направленный на измерение общего показателя жизнестойкости личности и входящих в ее состав экзистенциальных установок: вовлеченность, принятие риска и контроль (Леонтьев, Рассказова, 2006).

После первичной обработки полученных данных использовались методы математической статистики:

– критерий Колмогорова–Смирнова для проверки эмпирических данных на соответствие закону нормального распределения. Проверка показала ненормальное распределение по большинству исследуемых характеристик, в связи с чем был выбран непараметрический метод математико-статистического анализа;

– U-критерий Манна-Уитни для сравнения уровня выраженности медианных значений в двух независимых выборках.

Анализ результатов осуществлялся в двух направлениях:

1) сравнение характеристик адаптивности у подростков в зависимости от наличия / отсутствия неблагоприятного детского опыта;

2) сравнение характеристик адаптивности у подростков в зависимости от уровня осмысленности жизни.

Расчет осуществлялся в статистических программах Jamovi, Wessa.

Описание результатов

На первом этапе выборка по результатам интервью была разделена на две подвыборки: 1) подростки, имеющие неблагоприятный детский опыт в анамнезе (61 человек); 2) подростки с нормальным опытом детства (27 человек). Распределение участников исследования по критерию наличия / отсутствия неблагоприятного опыта детства неравномерно, результаты представлены на рисунке 1.

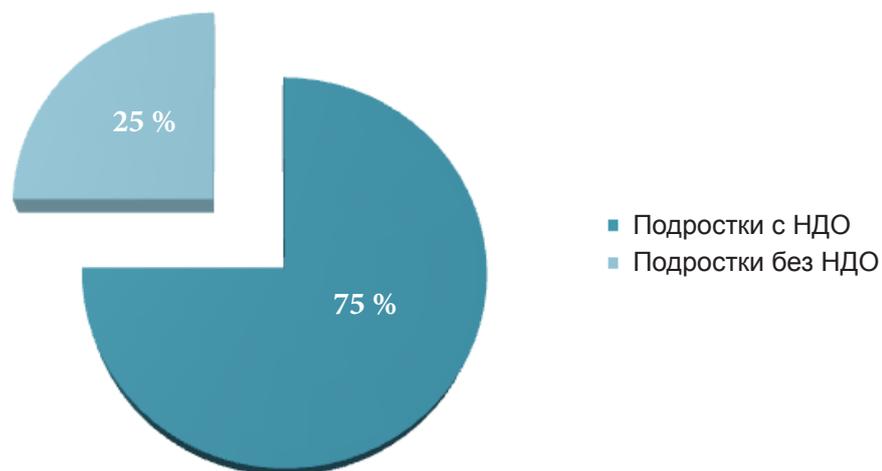

Рис. 1. Процентное распределение респондентов по наличию / отсутствию неблагоприятного детского опыта (НДО)

Fig. 1. Percentage distribution of respondents by presence/absence of adverse childhood experiences (ACEs)

Как видно из распределения ответов, большинство участников исследования имеет тот или иной неблагоприятный опыт детства (61 человек из 88, что составляет 75 %). Только 25 % респондентов не отметили ни одного вида неблагоприятного детского опыта (27 человека).

Анализ качественного содержания неблагоприятного детского опыта показал, что наиболее распространенными в отношении к детям являются эмоциональное (52 человека) и физическое (41 человек) насилие (рис. 2). Из дисфункциональных семейных факторов чаще отмечаются развод родителей и зависимости кого-либо из членов семьи.

Профили медианных значений характеристик адаптивности у подростков с наличием и отсутствием неблагоприятного детского опыта представлены на рисунке 3.

Количественный анализ медианных значений участников сравниваемых групп позволяет в качестве тенденций выделить более высокий уровень адаптивности подростков с нормальным опытом в сравнении со сверстниками, имеющими неблагоприятный детский опыт. При этом в группе наиболее адаптированных респондентов фиксируется более высокий уровень вовлеченности в процесс жизни в настоящем, их удовлетворенность прошлым опытом и локуса контроля. Показатели невротических симптомов находятся в пределах нормы. Из копинг-стратегий более выраженными являются показатели по шкалам «планирование», «поиск социальной поддержки» и «положительная переоценка».

У подростков, имеющих неблагоприятный опыт, помимо противоположных описанным тенденций, визуально отмечаются более высокие значения по шкалам «конфронтация», «дистанцирование», «бегство-избегание».

Рис. 2. Частота выборов респондентами видов неблагоприятного детского опыта (интервью)

Fig. 2. Frequency of respondents' choices of types of unfavourable childhood experiences (interviews)

Таким образом, количественные тенденции указывают на разное содержание адаптации подростков в зависимости от детского опыта. Нормотипичные подростки отличаются более высокими показателями по шкалам функциональных копинг-стратегий и осмысленности жизни в ее временной перспективе.

В целях выявления статистически-значимых различий в уровне выраженности количественных тенденций адаптации, медианные значения были проанализированы с использованием U-критерия Манна–Уитни. Результаты сравнения представлены в таблице 1.

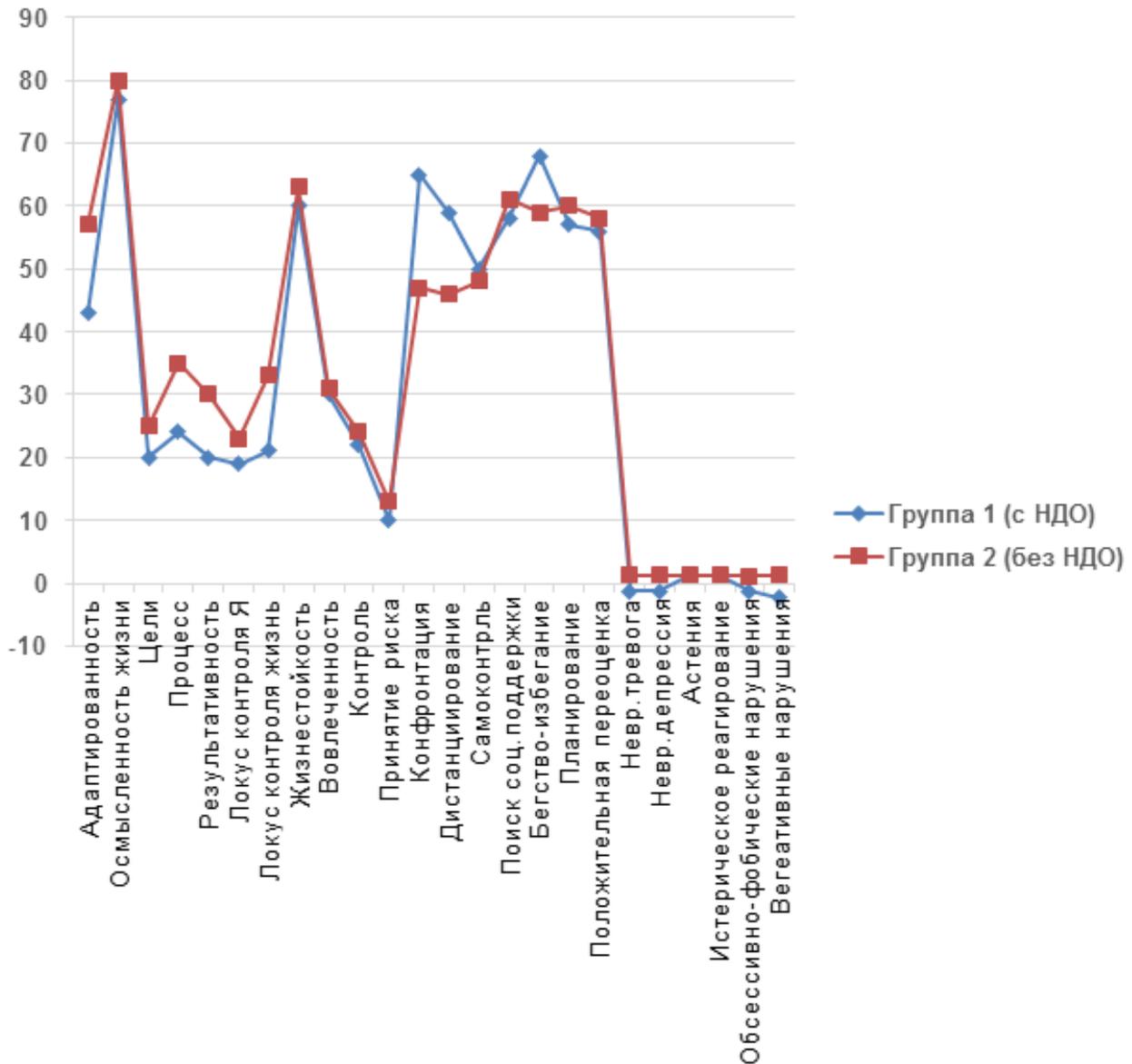

Рис. 3. Медианные значения характеристик адаптивности у подростков, имеющих (группа 1) и не имеющих (группа 2) неблагоприятный детский опыт

Fig. 3. Median values of adaptability characteristics in adolescents with (group 1) and without (group 2) unfavourable childhood experiences

Таблица 1. Статистически значимые различия в уровне выраженности исследуемых характеристик у подростков с неблагоприятным детским опытом (группа 1) и подростков с нормальным опытом детства (группа 2) (U-критерий Манна–Уитни)

Table 1. Statistically significant differences in the level of expression of the studied characteristics in adolescents with unfavourable childhood experiences (group 1) and adolescents with normal childhood experiences (group 2) (Mann-Whitney U-criterion)

Показатель	Группа 1 (с НДО) N = 61	Группа 2 (без НДО) N = 27	Нормативные значения	p-value (p < 0,05)
Интегральный показатель адаптированности	43 [38; 48]	57 [52; 62]	40 – 60 [19]	0,01
Локус контроля жизнь	21 [17; 25]	33 [29; 37]	24 – 36 [22]	0,04
Цели в жизни	20 [16; 22]	25 [21; 28]	27 – 39 [22]	0,01
Процесс жизни	35 [30; 42]	24 [19; 28]	27 – 35 [22]	0,00
Результативность	30 [28; 36]	20 [15; 22]	21 – 30 [22]	0,02
Копинг «Дистанцирование»	59 [57; 61]	46 [43; 49]	40 – 60 [21]	0,00
Копинг «Конфронтация»	64 [59; 66]	51 [50; 52]	40 – 60 [21]	0,01
Копинг «Бегство-избегание»	68 [71; 65]	59 [55; 66]	40 – 60 [21]	0,00
Астения	- 1, 51 [- 2,2; - 0,8]	3,17 [1,03; 5,31]	1,29 – 10 [20]	0,03
Неврогическая тревога	- 1,33 [- 2,1; 0,26]	1,3 [0,8; 1,6]	1,29 – 10 [20]	0,02
Неврогическая депрессия	- 1, 21 [- 1,6; - 0,2]	1,3 [1,0; 1,7]	1,29 – 10 [20]	0,00
Вегетативные нарушения	- 2, 34 [- 1,2; - 4,5]	1,28 [1,03; 1,53]	1,29 – 10 [20]	0,01

Примечание: в таблице средние значения представлены в виде медианных значений [нижний квартиль; верхний квартиль]. Нормативные значения указаны в соответствии с источниками [указаны в квадратных скобках].

Как видно из результатов сравнения, интегративный показатель адаптивности подростков с неблагоприятным детским опытом в анамнезе значимо ниже в сравнении с нормативными значениями и аналогичным показателем у сверстников без такого опыта.

Деадаптивные проявления у подростков с неблагоприятным детским опытом зафиксированы в более высоких показателях неврогических симптомов на биопсихическом уровне (астения, вегетативные нарушения, неврогические тревога и депрессия). На смысловом уровне деадаптивности соответствуют значимо более низкие показатели по шкале «процесс» (как осмысленность настоящего), «результативность» (как осмысленность прошлого опыта), «цели» (как осмысленность целей на будущее) и локуса контроля, низкий показатель

которого свидетельствует о неверии в возможность свободного выбора и сознательного контроля жизни. На поведенческом уровне фаталистическое отношение к жизни проявляется в выборе копинг-стратегий «дистанцирование», «конфронтация», «бегство-избегание», относящихся к ведущим паттернам дезадаптивного поведения⁸.

Таким образом, наша первая гипотеза о том, что подростки с неблагоприятным детским опытом в анамнезе характеризуются меньшей степенью адаптивности и большей степенью дезадаптации в сравнении с подростками, имеющими нормальный опыт, получила эмпирическую поддержку.

В целях проверки второй гипотезы мы разделили группу подростков с неблагоприятным детским опытом по критерию осмысленности жизни на две группы: 1) с высоким уровнем и 2) с низким уровнем. На рисунке 4 представлено процентное соотношение респондентов по уровню осмысленности жизни.

Как видно из диаграммы, высоким уровнем осмысленности жизни обладают только 6 % подростков с неблагоприятным детским опытом (9 человек), 51 % – в пределах среднего уровня (31 человек), а 40 % имеют низкий уровень осмысленности жизни (21 человек).

В целях увеличения определенности значений при сравнении исследуемых показателей с разным уровнем осмысленности жизни, из выборки были исключены участники, имеющие средний уровень осмысленности жизни.

Результаты сравнения медианных значений характеристик адаптации представлены на рисунке 5. Визуальная оценка профилей значений в группах нормотипичных подростков и их сверстников с неблагоприятным детским опытом позволяет выявить некоторые количественные

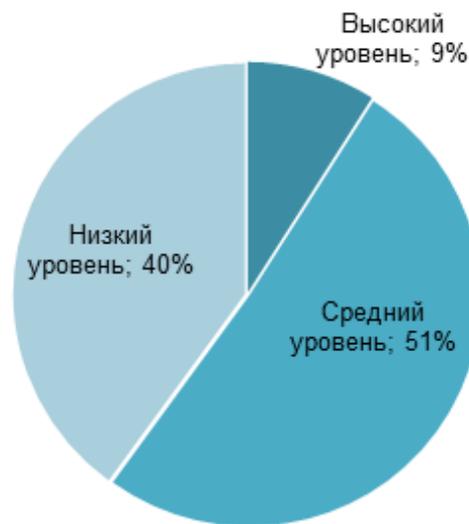

Рис. 4. Процентное распределение респондентов с неблагоприятным детским опытом в анамнезе по уровню осмысленности жизни

Fig. 4. Percentage distribution of respondents with adverse childhood experiences in the anamnesis by the level of meaningfulness of life

⁸ Поникарова, В. Н. (ред.) (2023). *Педагогика копинг-поведения. Элективный курс: учебное пособие*. ЗАО «Университетская книга».

тенденции. Так, даже при наличии неблагоприятного анамнеза у респондентов с высокой осмысленностью жизни интегральный показатель адаптированности значительно превышает аналогичный показатель в группе респондентов с тем же неблагоприятным анамнезом, но с низким уровнем осмысленности жизни. Содержательно адаптивность подростков с высоким уровнем осмысленности жизни соотносится с более выраженными показателями смысловых ориентаций (осмысленность настоящего, прошлого, локуса контроля), жизнестойкости (вовлеченность, контроль) и копинг-стратегией «положительная переоценка». При этом выраженность невротической симптоматики находится в диапазоне нормы.

Адаптивность подростков с неблагоприятным опытом при низкой осмысленности жизни приближена к нижним границам нормального диапазона (т. е. можно говорить не о дезадаптации, а о ее риске), характеризуется низкой осмысленностью прошлого и вовлеченностью в настоящее, неадаптивными копинг-стратегиями «конфронтация» и «бегство-избегание», симптомами невротической тревоги и вегетативных нарушений.

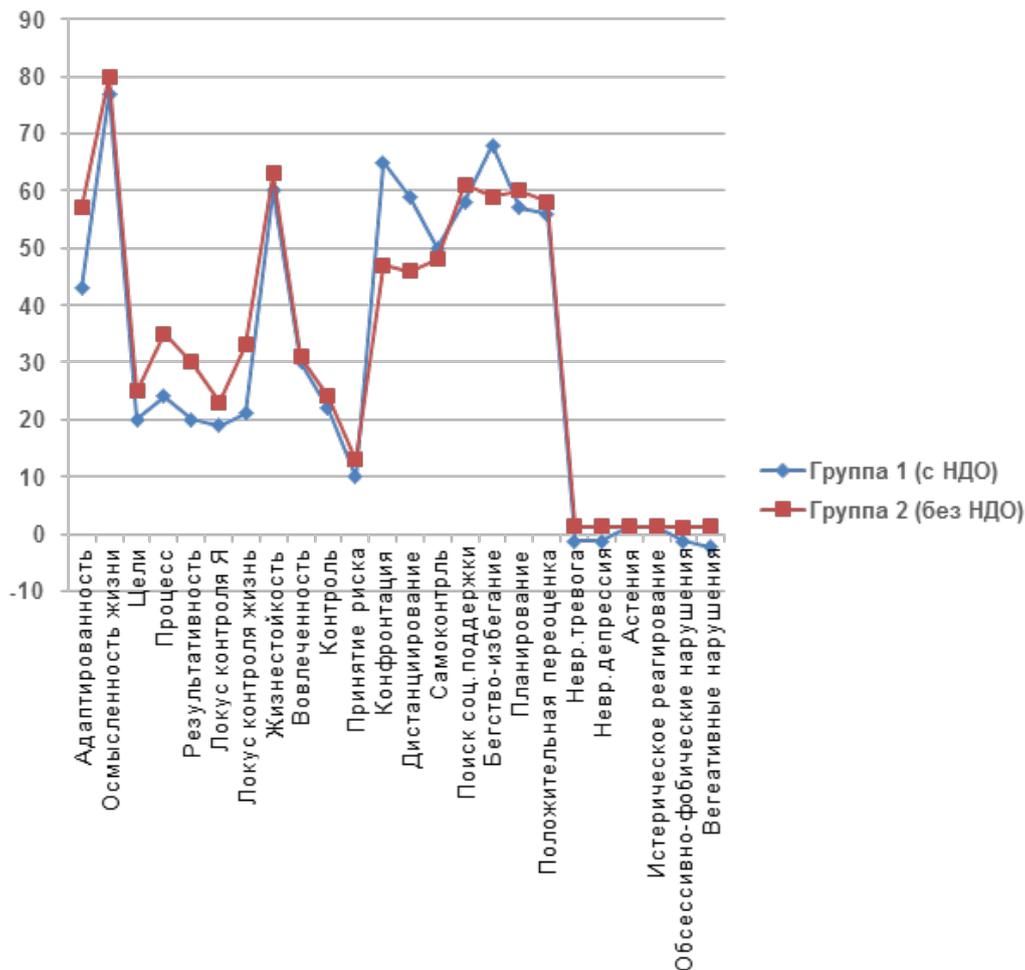

Рис. 5. Медианные значения характеристик адаптации у подростков, имеющих неблагоприятный детский опыт при высокой и низкой осмысленности жизни

Figure. 5. Median values of adaptation characteristics in adolescents with unfavourable childhood experience at high and low meaningfulness of life

Таблица 2. Статистически значимые различия в уровне выраженности исследуемых характеристик у подростков с неблагоприятным детским опытом с высокой (группа 1) и низкой (группа 2) осмысленностью жизни (U-критерий Манна–Уитни)

Table 2. Statistically significant differences in the level of expression of the studied characteristics among adolescents with unfavourable childhood experiences with high (group 1) and low (group 2) meaningfulness of life (Mann-Whitney U-criterion)

Показатель	Группа (↑ОЖ) N = 23	Группа (↓ОЖ) N = 38	Нормативные значения	p-value (p < 0,05)
Интегральный показатель адаптированности	74 [68; 81]	45 [42; 48]	40 – 60 [19]	0,05
Локус контроля жизнь	29 [21; 34]	20 [15; 28]	24 – 36 [22]	0,04
Локус контроля Я	22 [18; 26]	16 [13; 19]	17 – 25 [22]	0,05
Цели	33 [30; 39]	41 [35; 43]	27 – 39 [22]	0,00
Процесс жизни	35 [30; 42]	24 [19; 28]	27 – 35 [22]	0,00
Результативность	30 [28; 36]	20 [15; 22]	21 – 30 [22]	0,02
Жизнестойкость	91 [88; 84]	72 [68; 76]	62 – 99 [23]	0,01
Копинг «Бегство–избегание»	41 [44; 35]	65 [60; 67]	40 – 60 [21]	0,00
Положительная переоценка	61 [57; 65]	42 [38; 48]	40 – 60 [21]	0,01
Невротическая тревога	1,3 [0,1; 2,6]	- 1,4 [- 4,6; 0,6]	1,29 – 10 [20]	0,03
Вегетативные нарушения	1,7 [1,3; 5,8]	- 2,4 [- 6,8; 0,18]	1,29 – 10 [20]	0,00

Примечание: в таблице средние значения представлены в виде медианных значений [нижний квартиль; верхний квартиль]. Нормативные значения указаны в соответствии с источниками [указаны в квадратных скобках].

Результаты оценки статистической значимости количественных тенденций с использованием U-критерия Манна–Уитни представлены в таблице 2.

Математико-статистический анализ подтвердил на значимом уровне более высокую адаптивность подростков с неблагоприятным детским опытом при высокой осмысленности жизни.

Подростки с низким уровнем осмысленности жизни отличаются от подростков группы с низким уровнем показателей осмысленности прошлого опыта, настоящего и локуса контроля. При этом показатель «цели в жизни», напротив, имеет более высокий уровень по сравнению с уровнем подростков, имеющих высокий уровень осмысленности жизни. Это можно было бы интерпретировать как ресурс совладания, если бы направленность на цель была поддержана высоким уровнем включенности в процесс настоящего («процесс») и осмысления пройденного этапа жизни («результативность»), что могло трансформировать неблагоприятный опыт детства в полезный ресурс, сделать трудный опыт личным преимуществом в настоящем. Поскольку такой поддержки нет, можно предположить декларативный характер целей, их нереалистичность, что также является фактором риска дезадаптации.

Риск дезадаптации подтверждается более выраженными показателями невротической тревоги и вегетативных нарушений у подростков с низким уровнем осмысленности

жизни. Согласно теории физиологического стресса Г. Селье, тревога является первым звеном в запуске стрессовой реакции, в основе которой – активация симпатической нервной системы, мобилизующей организм и психику на борьбу с угрозой. Невротическое проявление тревоги и нарушение вегетативной нервной деятельности характеризуют развитие дистресса как результата стрессовой реакции. Продолжительный дистресс логически завершается нарушением адаптации на психическом, соматическом и поведенческом уровнях (Г. Селье, Р. Лазарус и др.).

Как видно из представленных в таблице 2 данных, у подростков группы с низкой осмысленностью жизни выше показатель копинг-стратегии бегства–избегания, тогда как в группе с высокой осмысленностью жизни выше показатель положительной переоценки. В исследованиях было эмпирически установлено, что стратегии бегства–избегания соотносятся с негативным оцениванием ситуации, положительная переоценка – с конструктивным совладанием в трудной жизненной ситуации (Крылова, 2019). Наряду с положительной переоценкой у подростков с высоким уровнем осмысленности жизни выявлен более высокий уровень жизнестойкости.

Таким образом, вторая гипотеза о том, что у подростков с неблагоприятным детским опытом в анамнезе и имеющих высокий уровень осмысленности жизни выше степень адаптивности и менее выражены проявления дезадаптации в сравнении с подростками, имеющими аналогичный опыт и низкий уровень осмысленности жизни, также получила эмпирическое подтверждение. Выявленные различия условно отражают континуум адаптивности, между крайними полюсами которого – разная степень осмысленности жизни в ее временной перспективе и локус контроля.

Обсуждение результатов

Важным выводом по результатам проведенного исследования является эмпирически подтвержденный факт отсутствия непосредственного соотношения неблагоприятного детского опыта в анамнезе с дезадаптивностью. Это означает, что сам по себе неблагоприятный детский опыт не является предиктором риска социально-психологической дезадаптации, его роль опосредована способностью подростка к осмыслению своего локуса контроля и временной перспективы (прошлого опыта, настоящего и целей на будущее).

Наш вывод согласуется с теоретическими положениями индивидуальной психологии А. Адлера, снявшего неизбежную причинность настоящего в прошлом и заложившего основу для развития концепций о роли самого человека, его активности и ответственности в выборе возможных вариантов жизни. Основная идея этих концепций в разных терминах обобщает роль работы личности над собой, осознанное приложение ею усилий по выходу из зоны комфорта в зону ближайшего развития (Л. С. Выготский), достижения психологической зрелости за счет выбора смыслообразующих мотивов в их борьбе с побудительными (А. Н. Леонтьев), полноценного функционирования за счет осознания и гармонизации субъективного опыта (К. Роджерс) и достижения непротиворечивой идентичности (Э. Эриксон), самоактуализации против инертного удовлетворения дефицитарных потребностей (А. Маслоу), свободы от влияний поля, т. е. непосредственных обстоятельств, в пользу целей на будущее (К. Левин), свободы от ограничений наследственных факторов и внешних обстоятельств за счет смысловой регуляции (В. Франкл), достижения оптимальной мотивации за счет намеренной постановки перед собой задач на грани сложности (М. Чинкентмихайи, Д. А. Леонтьев) (Леоненко, Лобанова, 2021; Леоненко, Лобанова, 2022).

Эмпирически подтвержденная роль осмысленности жизни в адаптивности подростков с неблагоприятным опытом согласуется с результатами исследования И. А. Горьковой,

А. В. Микляевой, проведенного в выборке подростков с ограниченными возможностями здоровья (Горьковая, Микляева, 2018). Для нас ключевым моментом в соотнесении результатов представляет сам факт затрудненных условий развития в сравниваемых выборках. Было установлено, что по сравнению с условно здоровыми подростками их сверстники, имеющие ограничения по здоровью, предпочитают копинг-стратегии, направленные на осмысление ситуации, стратегиям, ориентированным на активное преодоление трудностей. В качестве универсального предиктора жизнестойкости подростков авторы предлагают рассматривать «отказ от оценки трудностей как непреодолимых обстоятельств» (Горьковая, Микляева, 2018, с. 92).

Похожие выводы были получены в ряде феноменологических исследований. Так, израильскими учеными в исследовании посттравматического роста среди высокофункциональных взрослых, подвергшихся жестокому обращению в детстве, было зафиксировано пять областей посттравматического роста, в числе которых поиск смысла в жестоком обращении и оценка жизни (Kaye-Tzadok & Icekson, 2022). Более того, было показано, что поиск смысла влечет за собой три новые подтемы: 1) быть выжившим и образцом для подражания; 2) давать другим то, что было нужно, но никогда не получено; 3) делать мир лучше (Le-Deist & Winterton, 2005).

Н. Başkale и P. Solmaz в феноменологическом исследовании травматичного опыта подростков продемонстрировали, что способность подростков к рефлексии своей прошлой жизни и к пересмотру своих взглядов является фактором адаптации к новой жизни. И, наоборот, в отсутствие таких условий и возможностей нарастала симптоматика посттравматического стрессового расстройства (Kaye-Tzadok & Icekson, 2022).

Систематический обзор исследований по проблеме посттравматических стрессовых расстройств и предикторов их преодоления, проведенный С. Ferris и К. O'Brien, также показал, что рефлексия, стратегии позитивной переоценки и групповая терапия доказательно способствуют посттравматическому росту (Başkale & Solmaz, 2024).

В исследовании соотношения между детской травмой, принятием, позитивной переоценкой и посттравматическим ростом (ПТР) среди студентов колледжа (численность выборки 1028) было установлено, что между травматичным опытом и посттравматическим ростом положительная переоценка играет посредническую роль. Более быстрые результаты психотерапии обусловлены активной и целенаправленной помощью в изменении индивидуального познания, обучением позитивным когнитивным стратегиям регуляции эмоций (Ferris & O'Brien, 2022).

Поскольку ценностно-смысловая сфера является новообразованием старшего подросткового возраста, ее развитие определяет потенциал преодоления личностью заданных обстоятельств (опыта, который нельзя изменить или отменить). Согласно идее посттравматического роста, осмысление травматического опыта как ценного и усиливающего не только позволяет сохранить психическое здоровье и прежние функциональные возможности, но и обрести новые ресурсы и возможности за счет успешного совладания и осмысления угрожающей ситуации как ценного и усиливающего опыта (Львова, 2017).

Таким образом, в ходе исследования было установлено, что у подростков с неблагоприятным детским опытом достоверно ниже степень общей адаптированности и более выражены показатели дезадаптации (невротические и вегетативные симптомы) по сравнению со сверстниками, имеющими нормальный опыт детства. Также выявлено, что подростки с неблагоприятным детским опытом отличаются от группы сравнения предпочтением неадаптивных копинг-стратегий (конфронтация, избегание). При этом осмысленность жизни в целом и ее временной перспективы в группе с неблагоприятным опытом значимо ниже. Учитывая, что как минимум один вид неблагоприятного детского опыта имеют две трети участников исследования, зафиксированные особенности адаптации требуют мер

целенаправленной психологической поддержки и обоснованных средств психологической помощи подросткам с таким опытом.

Опираясь на данные сравнительного анализа профиля адаптации подростков с неблагоприятным детским опытом в группах с разной осмысленностью жизни, можно констатировать, что высокий уровень осмысленности жизни, ее временной перспективы (прошлого опыта, настоящего и целей на будущее) и локуса контроля даже при наличии неблагоприятного детского опыта достоверно повышает степень общей адаптированности, снижает дезадаптивные проявления, повышает частоту использования адаптивного копинга.

Вывод по результатам исследования обосновывает возможность преодоления негативных последствий детского опыта и, следовательно, снижения риска дезадаптации подростков группы риска благодаря помощи им в актуализации рефлексии опыта, осмысления жизни, ее временной перспективы и личной ответственности.

Практическая ценность выводов обеспечена их использованием в индивидуальном консультировании и при разработке рекомендаций, а также в проектировании программ коррекции и тренингов, направленных на преодоление негативных последствий детского опыта у подростков и развитие совладания с опорой на ноогенные характеристики. В образовательном процессе программы и / или модули могут быть реализованы через включение в образовательные программы учебных дисциплин или в уже существующие дисциплины тематических блоков / модулей психообразования и самоактуализационных форм деятельности обучающихся, направленных на развитие ценностно-смысловой сферы, помощь в овладении стратегиями саморегуляции, жизнестойких установок и практических навыков их реализации.

Список литературы

- Габдулина, Л. И., Кузьмищенко, И. Н. (2008). Осмысленность жизни и стратегии совладающего поведения у мужчин и женщин среднего возраста. *Северо-Кавказский психологический вестник*, 6 (1), 72–76.
- Горьковская, И. А., Микляева, А. В. (2018). Жизнестойкость и копинг-стратегии подростков с сенсорными и двигательными нарушениями. *Известия РГПУ им. А. И. Герцена*, (187), 85–95.
- Катан, Е. А. (2019). Использование международного опросника неблагоприятного детского опыта для выявления психотравмирующих факторов в детском и подростковом возрасте. *Медицинская психология в России*, 11 (2 (55)), 8.
- Крылова, М. А. (2019). Отношение молодых людей к трудным жизненным ситуациям: ментальная репрезентация и совладающее поведение. В *Методология, теория, история психологии личности: сборник статей* (стр. 663-671). Москва: Институт психологии РАН.
- Крюкова, Т. Л. (2004). *Психология совладающего поведения: монография*. Кострома: Издательство «Авантитул».
- Леоненко, Н. О., Лобанова, Ю. А. (2021). Психологическое благополучие в юношеском возрасте у лиц с разным опытом переживаний. *Герценовские чтения: психологические исследования в образовании*, (4), 333–341. <https://doi.org/10.33910/herzenpsyconf-2021-4-41>
- Леоненко, Н. О., Лобанова, Ю. А. (2022). Опыт неблагоприятных переживаний детства и психическое здоровье взрослого: отдаленные последствия и предикторы совладания. В *Психология стресса и совладающего поведения: устойчивость и изменчивость отношений, личности, группы в эпоху неопределенности: материалы VI Международной научной конференции* (стр. 338–342). Кострома: Костромской государственный университет.

- Леонтьев, Д. А. (1992). *Тест смысложизненных ориентаций (СЖО)*. Москва: Издательство «Смысл».
- Леонтьев, Д. А. (2007). *Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности*. Москва: Издательство «Смысл».
- Леонтьев, Д. А. (2014). Развитие личности в норме и в затрудненных условиях. *Культурно-историческая психология*, 10 (3), 97–106.
- Леонтьев, Д. А. (2016). Саморегуляция, ресурсы и личностный потенциал. *Сибирский психологический журнал*, (62), 18–37.
- Леонтьев, Д. А., Рассказова, Е. И. (2006). *Тест жизнестойкости*. Москва: Издательство «Смысл».
- Львова, Е. Н. (2017). *Личностное опосредствование выбора стратегий совладания в ситуации неопределенности*: автореф. дис. ... канд. психол. наук. Москва.
- Мадди, С. (2002). *Теории личности: сравнительный анализ*. Санкт-Петербург: Издательство «Речь».
- Менделевич, Д. М. (2005). *Психология девиантного поведения*. Санкт-Петербург: Издательство «Речь».
- Нуркова, В. В. (2018). От хаоса повседневного опыта к истории жизни: социокультурное форматирование автобиографического самосознания. *Исследователь/Researcher*, 3–4 (23–24), 10–24.
- Осницкий, А. К. (2004). Определение характеристик социальной адаптации. *Психология и школа*, (1), 43–56.
- Синельникова, Е. С., Удовиченко, П. А. (2023). Смысложизненные ориентации и саморегуляция как психологические корреляты конструктивного совладания со стрессом в юношеском возрасте. *Теоретическая и экспериментальная психология*, 16 (1), 79–89. <https://doi.org/10.11621/ТЕР-23-05>
- Тарабрина, Н. В. (2009). *Психология посттравматического стресса*: монография: Теория и практика. Москва: Институт психологии РАН.
- Франкл, В. Э. (1990). *Человек в поисках смысла*. Москва: Издательство «Прогресс».
- Хазова, С. А. (2002). *Совладающее поведение одаренных старшеклассников*: дис. ... канд. психол. наук. Кострома.
- Başkale, H., & Solmaz, P. (2024). Experiences of adolescents affected by earthquakes: A qualitative study. *Journal of Specialist Pediatric Nursing*, 29 (3), e12434. <https://doi.org/10.1111/jspn.12434>
- Ferris, C., & O'Brien, K. (2022). The ins and outs of posttraumatic growth in children and adolescents: A systematic review of factors that matter. *Journal of Traumatic Stress*, 35 (5), 1305–1317. <https://doi.org/10.1002/jts.22845>
- Hughes, K., Bellis, M. A., Hardcastle, K. A., et al. (2017). The effect of multiple adverse childhood experiences on health: A systematic review and meta-analysis. *Lancet Public Health*, 2 (8), 356–366.
- Kaye-Tzadok, A., & Icekson, T. (2022). A phenomenological exploration of work-related post-traumatic growth among high-functioning adults maltreated as children. *Frontiers in Psychology*, 13, 1048295. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2022.1048295>
- Le-Deist, F. D., & Winterton, J. (2005). What is competence? *Human Resource Development International*, 8 (1), 27–46. <https://doi.org/10.1080/1367886042000338227>
- Quan, L., Lü, B., Sun, J., Zhao, X., & Sang, Q. (2022). The relationship between childhood trauma and post-traumatic growth among college students: The role of acceptance and positive reappraisal. *Frontiers in Psychology*, 13, 921362. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2022.921362>

References

- Gabdulina, L. I., Kuz'mishchenko, I. N. (2008). Osmyslennost' zhizni i strategii sovladayushchego povedeniya u muzhchin i zhenshchin srednego vozrasta. *Severo-Kavkazskij psihologicheskij vestnik*, 6 (1), 72–76.
- Gor'kovaya, I. A., Miklyaeva, A. V. (2018). Zhiznestojkost' i koping-strategii podrostkov s sensornymi i dvigatel'nymi narusheniyami. *Izvestiya RGPU im. A. I. Gercena*, (187), 85–95.
- Katan, E. A. (2019). Ispol'zovanie mezhdunarodnogo oprosnika neblagopriyatnogo detskogo opyta dlya vyyavleniya psihotravmiruyushchih faktorov v detskom i podrostkovom vozraste. *Medicinskaya psihologiya v Rossii*, 11 (2 (55)), 8.
- Krylova, M. A. (2019). Otnoshenie molodyh lyudej k trudnym zhiznennym situaciyam: mental'naya reprezentaciya i sovladayushchee povedenie. V *Metodologiya, teoriya, istoriya psichologii lichnosti: sbornik statej* (str. 663-671). Moscow: Institut psichologii RAN.
- Kryukova, T. L. (2004). *Psihologiya sovladayushchego povedeniya: monografiya*. Kostroma: Izdatel'stvo «Avantitul».
- Leonenko, N. O., Lobanova, Yu. A. (2021). Psihologicheskoe blagopoluchie v yunosheskom vozraste ulic s raznym opytom perezhivaniy. *Gercenovskie chteniya: psihologicheskie issledovaniya v obrazovanii*, (4), 333–341. <https://doi.org/10.33910/herzenpsyconf-2021-4-41>
- Leonenko, N. O., Lobanova, Yu. A. (2022). Opyt neblagopriyatnyh perezhivaniy detstva i psicheskoe zdorov'e vzroslogo: otdalennye posledstviya i prediktory sovladaniya. V *Psihologiya stressa i sovladayushchego povedeniya: ustojchivost' i izmenchivost' otnoshenij, lichnosti, gruppy v epohu neopredelennosti: materialy VI Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii* (str. 338–342). Kostroma: Kostromskoj gosudarstvennyj universitet.
- Leont'ev, D. A. (1992). *Test smyslozhiznennyh orientacij (SZHO)*. Moscow: Izdatel'stvo «Smysl».
- Leont'ev, D. A. (2007). *Psihologiya smysla: priroda, stroenie i dinamika smyslovoj real'nosti*. Moscow: Izdatel'stvo «Smysl».
- Leont'ev, D. A. (2014). Razvitie lichnosti v norme i v zatrudnennyh usloviyah. *Kul'turno-istoricheskaya psihologiya*, 10 (3), 97–106.
- Leont'ev, D. A. (2016). Samoregulyaciya, resursy i lichnostnyj potencial. *Sibirskij psihologicheskij zhurnal*, (62), 18–37.
- Leont'ev, D. A., Rasskazova, E. I. (2006). *Test zhiznestojkosti*. Moscow: Izdatel'stvo «Smysl».
- L'vova, E. N. (2017). *Lichnostnoe oposredstvovanie vybora strategij sovladaniya v situacii neopredelennosti: avtoref. dis. ... kand. psihol. nauk*. Moscow.
- Maddi, S. (2002). *Teorii lichnosti: sravnitel'nyj analiz*. Saint Petersburg: Izdatel'stvo «Rech'».
- Mendelevich, D. M. (2005). *Psihologiya deviantnogo povedeniya*. Saint Petersburg: Izdatel'stvo «Rech'».
- Nurkova, V. V. (2018). Ot haosa povsednevnogo opyta k istorii zhizni: sociokul'turnoe formatirovanie avtobiograficheskogo samosoznaniya. *Issledovatel'/Researcher*, 3–4 (23–24), 10–24.
- Osnickij, A. K. (2004). Opredelenie harakteristik social'noj adaptacii. *Psihologiya i shkola*, (1), 43–56.
- Sinel'nikova, E. S., Udovichenko, P. A. (2023). Smyslozhiznennye orientacii i samoregulyaciya kak psihologicheskie korrelyaty konstruktivnogo sovladaniya so stressom v yunosheskom vozraste. *Teoreticheskaya i eksperimental'naya psihologiya*, 16 (1), 79–89. <https://doi.org/10.11621/TEP-23-05>
- Tarabrina, N. V. (2009). *Psihologiya posttravmaticheskogo stressa: monografiya: Teoriya i praktika*. Moscow: Institut psichologii RAN.
- Frankl, V. E. (1990). *Chelovek v poiskah smysla*. Moscow: Izdatel'stvo «Progress».
- Hazova, S. A. (2002). Sovladayushchee povedenie odarennyh starsheklassnikov: dis. ... kand. psihol. nauk. Kostroma. Başkale, H., & Solmaz, P. (2024). Experiences of adolescents affected by earth-

- quakes: A qualitative study. *Journal of Specialist Pediatric Nursing*, 29 (3), e12434. <https://doi.org/10.1111/jspn.12434>
- Ferris, C., & O'Brien, K. (2022). The ins and outs of posttraumatic growth in children and adolescents: A systematic review of factors that matter. *Journal of Traumatic Stress*, 35 (5), 1305–1317. <https://doi.org/10.1002/jts.22845>
- Hughes, K., Bellis, M. A., Hardcastle, K. A., et al. (2017). The effect of multiple adverse childhood experiences on health: A systematic review and meta-analysis. *Lancet Public Health*, 2 (8), 356–366.
- Kaye-Tzadok, A., & Icekson, T. (2022). A phenomenological exploration of work-related post-traumatic growth among high-functioning adults maltreated as children. *Frontiers in Psychology*, 13, 1048295. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2022.1048295>
- Le-Deist, F. D., & Winterton, J. (2005). What is competence? *Human Resource Development International*, 8 (1), 27–46. <https://doi.org/10.1080/1367886042000338227>
- Quan, L., Lü, B., Sun, J., Zhao, X., & Sang, Q. (2022). The relationship between childhood trauma and post-traumatic growth among college students: The role of acceptance and positive reappraisal. *Frontiers in Psychology*, 13, 921362. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2022.921362>

Информация об авторах

Светлана Алигарьевна Минюрова – доктор психологических наук, профессор, руководитель Центра междисциплинарных исследований в области наук об образовании РАО Федерального государственного бюджетного учреждения «Российская академия образования».

Наталья Олеговна Леоненко – кандидат психологических наук, доцент, главный аналитик Центра междисциплинарных исследований в сфере наук об образовании Федерального государственного бюджетного учреждения «Российская академия образования».

About the authors

Svetlana A. Minuyrova - Dr. Sci. (Psy.), Professor, Head of the Centre for Interdisciplinary Researches in Education, Federal State Budgetary Institution “Russian Academy of Education”.

Natalia O. Leonenko - Cand. Sci. (Psy.), Docent, Chief Analyst of the Centre for Interdisciplinary Researches in Education, Federal State Budgetary Institution “Russian Academy of Education”.

Вклад авторов

Авторы внесли равный вклад в разработку исследования, обработку его результатов и написание текста статьи.

Author's contribution

The authors contributed equally to the research development, results processing and writing the text of the article.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

The authors declare no conflicts of interests.

Поступила в редакцию 07.06.2025

Одобрена после рецензирования 09.07.2025

Опубликована 28.07.2025

Submitted June 07, 2025

Approved after reviewing July 09, 2025

Accepted July 28, 2025